

УДК 338.436.33

*Е.Л. Дугина, Е.В. Доржиева***ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО АПК В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ**

Охарактеризована динамика развития российского АПК за последнее десятилетие, проанализировано современное состояние сельского хозяйства, дана оценка влияния экономических санкций и ответных мер России на деятельность отечественных сельхозпроизводителей и конъюнктуру продовольственного рынка. Рассмотрены вопросы конкуренции на агропродовольственном рынке: в связи с уходом западных товаропроизводителей и общей тенденцией к монополизации, в наиболее благоприятных условиях оказались крупные сельскохозяйственные организации (агрохолдинги). Крестьянские (фермерские) хозяйства и прочие формы организации малого бизнеса в агросекторе сталкиваются с рядом проблем, в том числе с недостаточной поддержкой со стороны государства. Однако для устойчивого развития экономики страны и сохранения села следует искать новые форматы организации сельскохозяйственной деятельности, такие, как агрокластеры. При смене парадигмы государственной аграрной политики необходимо учитывать интересы хозяйств всех категорий и применять разные подходы к регулированию их деятельности, направленные как на импортозамещение, так и на экспортоориентированность.

Ключевые слова: экономические санкции, контрсанкции, агропромышленный комплекс, импортозамещение, экспортоориентированность, концепция развития.

За последнее десятилетие в российском АПК произошли существенные структурные сдвиги. В 2016 г. в РФ насчитывалось 23 млн личных подсобных хозяйств (ЛПХ), 137 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств (К(Ф)Х), 36 тыс. сельскохозяйственных организаций (СХО); по сравнению с 2006 г. число субъектов хозяйствования снизилось (за исключением ЛПХ и индивидуальных предпринимателей). За 10 лет возрос удельный вес СХО, осуществлявших сельскохозяйственную деятельность – с 69 до 76 %, К(Ф)Х – с 50 до 66 %. По сравнению с 2006 г. в 2016 г. сократилась доля ЛПХ, занимающихся сельскохозяйственным производством – с 86 до 79 %, некоммерческих объединений граждан – с 93 до 89 %.

При общем увеличении посевной площади сельскохозяйственных культур (на 6 %) наиболее значительно возросли посевы технических культур – на 54 %, тогда как посевы зерновых и зернобобовых культур выросли на 8,5 %. Посевные площади бахчевых, овощных, кормовых культур, картофеля снизились, причем наиболее существенное уменьшение (на 32,6 %) продемонстрировали посадки картофеля.

Поголовье крупного рогатого скота (КРС) за прошедшее десятилетие сократилось на 18 %. Число птицы выросло на 42 % во всех категориях хозяйств (кроме ЛПХ). Поголовье свиней увеличилось более, чем на 30 % за счет роста в СХО в 2,4 раза, поголовье овец и коз – на 21 %.

В то время как АПК демонстрирует разнонаправленные тенденции развития российская экономика с начала санкционного периода балансирует на пороге кризиса, из-за чего именуемое ранее «дотационной черной дырой» сельское хозяйство превратилось в перспективную «точку роста» и экспортного лидера (этому способствовал ряд экзогенных факторов: отсутствие конкуренции на внутреннем рынке, благоприятные погодные условия, падение курса национальной валюты и др.). По расчетам экспертов, за 2013–2017 г. среднегодовой темп роста мировой экономики составлял 2,6 %, стран с развитой и активно развивающейся экономикой – 1,7 и 4,1 % соответственно, а в России этот показатель продемонстрировал негативную динамику – минус 0,5 %.

В современных условиях наша страна пока не нашла новые источники роста и оптимальную модель развития. Причины, на наш взгляд, следующие:

1) России не удалось преодолеть зависимость от сырья и энергоресурсов (доля энергоресурсов в финансовых доходах 2017 г. составила около 40 %, при этом в объеме экспорта внешней торговли энергоресурсы составляли 2/3);

2) начиная с 1992 г. коэффициент накопления собственного капитала в России не превышал 25 %, при этом общий уровень инвестиций колебался на отметке 20 %, что означает невозможность осуществления расширенного производства;

3) происходит постоянное сокращение реального сектора экономики, так как Россия до сих пор не отказалась от тупиковой модели «обратной индустриализации» (хоть сфера услуг в стране в целом не развита, тем не менее ее доля в ВВП достигает 65 %);

4) за 2013–2016 гг. уровень износа производственных фондов достиг 48,7 %, а внутренние инвестиции упали до 12 %, в таких условиях сложно добиться устойчивого экономического роста [1].

В период с 2015 по 2016 г. темпы роста российской экономики сократились на 3 %. В 2017 г. эта тенденция прервалась, и экономика продемонстрировала небольшой рост (на 1,7 %). В 2018 г. по прогнозам Всемирного банка реконструкции и развития прирост должен составить 1,7 %, а в 2019 г. – 1,8 %. В целом можно констатировать, что российская экономика медленно восстанавливается, однако в социальной сфере прогресс пока практически незаметен; по прогнозам аналитиков Oxford Economics стабильно уменьшавшиеся с 2013 г. среднемесячные доходы населения и объемы потребления товаров и услуг могут быть компенсированы только к 2020 г. [2].

Российская экономика по-прежнему зависит от цен на нефть, несмотря на то, что начиная с 2000 г. был взят курс на ее диверсификацию. За прошедшие годы после спада экономика страны значительно выросла: объемы производства выросли на 55,4 % по сравнению с 2000 г.; производство зерна увеличилось примерно в два раза (с 65,4 млн т в 2000 г. до 134 млн т в 2017 г.), Россия из страны-импортера превратилась в крупнейшего мирового экспортера зерна; объем производства мяса птицы возрос в 6 раз (с 1,1 до 6,2 млн т), объем производства свинины увеличился в два раза (с 2,2 до 4,4 млн т).

В 2017 г. Россия стала крупнейшим в мире экспортером пшеницы: ее экспорт вырос более, чем на 20 %, в то время как пшеничный экспорт ЕС сократился на 25 %. Это объясняется хорошим качеством и относительной дешевизной российского зерна. Кроме того, сельскохозяйственная продукция обогнала военное оружие и технику в борьбе за статус важнейшей российской экспортной статьи, что можно назвать положительным следствием введенных в 2014 г. запретов на импорт продуктов из ЕС и США. В целом российское сельское хозяйство благодаря санкциям поднялось; в настоящее время страна полностью обеспечивает себя мясом свинины и птицы, производство зелени и парниковых овощей увеличилось на 30 %.

Экспорт пшеницы из России достиг наивысшего показателя в мире за прошедшие 25 лет. В последние годы, благодаря притоку инвестиций в сельское хозяйство, сбор пшеницы постоянно увеличивается, что дало возможность отобрать существенную долю рынка у ведущих мировых экспортеров (Канада и США). Рост урожаев в РФ привел к тому, что фьючерсы в Чикаго с середины 2012 г. снизились на 50 %.

Урожай в 2017 г. превысил прогнозные ожидания экспертов, что стало возможным благодаря установившимся в весеннее и летнее время благоприятным погодным условиям. Рекордный урожай и слабый рубль сделали российское зерно конкурентоспособным, при этом даже недостаточно развитая логистическая инфраструктура не стала экспорту помехой (морские порты страны справились с возросшей нагрузкой, так как нехарактерно мягкая зима позволила продлить навигацию дольше обычного).

Отметим, что сделанные аналитическим центром «СовЭкон» и Институтом конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР) прогнозные оценки по российским поставкам – 36,6 млн т – немного больше, чем официальные прогнозы Министерства сельского хозяйства США, оценивающего объем экспорта в 36 млн т. Но учитывая, что в последний раз Соединенные Штаты поставили свой рекорд – 36,8 млн т экспортируемого зерна – в далеком 1992 г., данное достижение по любым оценкам можно считать рекордом.

Если посмотреть на график, представленный изданием «Bloomberg» (рис. 1), можно отметить, что, начиная с 2002 г., даже в периоды спада (2004, 2011, 2013 гг.) экспорт пшеницы превышал объемы 90-х г. как минимум в два раза (в 2004 г. – 3,1 млн т, в 1999 г. – 1,7 млн т).

Так, по оценкам Российского экспортного центра в 2017 г. поставки продовольствия увеличились на 25 % (до 19 млрд долл.), что является наиболее значительным приростом объема продовольственного экспорта, начиная с 2012 г. При этом основными статьями экспорта по-прежнему остаются пшеница и замороженная рыба, хотя объемы поставок сахара тоже продемонстрировали существенный рост. Так, например, Египет увеличил закупки российского продовольствия на 44 % (доведя их до 1,74 млрд долл.), перегнав при этом Китай и впервые с 2012 г. став самым крупным покупателем российского продовольствия (в основном пшеницы и подсолнечного масла) [4].

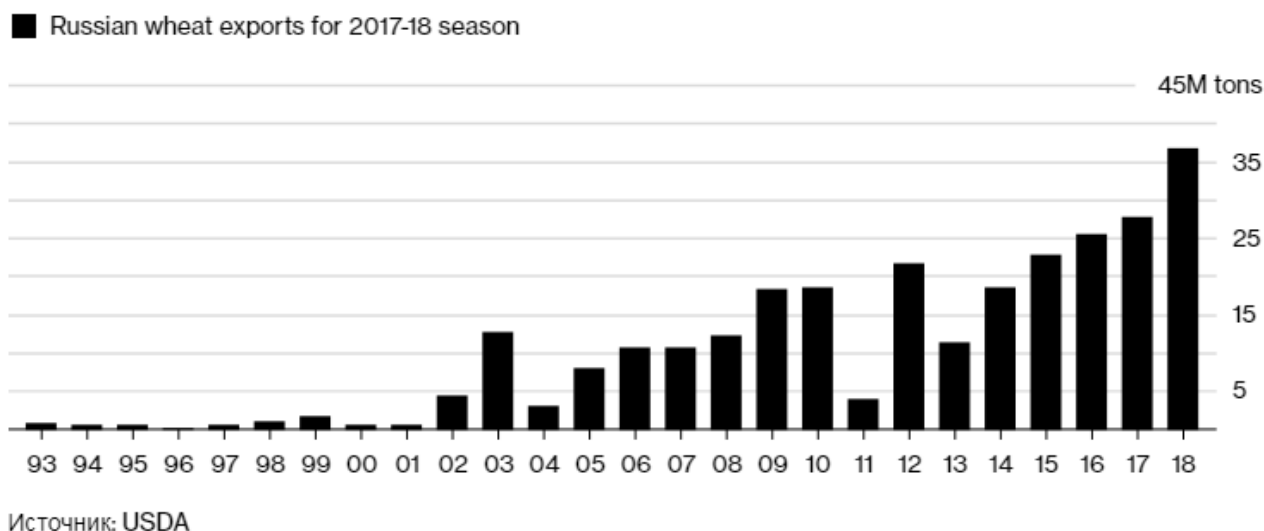

Рис. 1. Объемы экспорта российской пшеницы за период 1993-2018 гг. [3]

Кроме того, положительный для развития российского АПК эффект от «санкционного противостояния» отмечают не только американские и европейские исследователи. После возникшего в отношениях Турции и России кризиса с 1 января 2016 г. Россия стала применять эмбарго на ввоз 24 видов турецкой сельскохозяйственной продукции. Через десять месяцев были отменены запреты на несколько видов, но ограничения по 14 видам продуктов, включая ставшие камнем преткновения томаты, сохранялись вплоть до середины 2017 г. – начала 2018 г. Турецкое издание *Dünya* комментирует: «Россия стала постепенно отменять эмбарго на импорт сельхозпродуктов из Турции, добиваясь взамен важных уступок. Однако когда был снят запрет на ввоз помидоров, взамен ввели ограничение на объемы поставок. В результате этих мер лишь некоторые турецкие фирмы имеют возможность экспортировать 50 тыс. т томатов в общей сложности. В то же время частичное снятие продуктовых запретов потребовало от Турции серьезных уступок. Так, в частности, Россия будет экспортировать мясо, молоко и рыбу. Таким образом, она воспользовалась кризисом для сбыта собственной агропродовольственной продукции» [5].

Однако, несмотря на эти действия, процесс импортозамещения на российском продовольственном рынке по оценкам экспертов протекает достаточно успешно. Действительно, продовольственное эмбарго в отношении ряда западных стран придало определенный импульс развитию отечественного АПК. При этом следует учитывать, что на момент его введения российский продовольственный рынок находился в сильной зависимости от импорта: собственное производство покрывало около 80 % спроса на мясо и мясопродукты, рыбу и рыбопродукты, молоко и молокопродукты, 40 % спроса на фрукты и 90 % – на овощи. Поскольку в перечень государств, на которые распространяется действие эмбарго, попали крупнейшие в мире экспортеры продовольствия (США, ЕС, Канада, Австралия), географически переориентировать импорт было нелегко. К тому же на закупках иностранных продуктов отразилось падение курса рубля, обусловленное снижением цен на нефть и мировым экономическим кризисом.

Все это в конечном счете привело к росту цен: в первый год действия эмбарго (вплоть до июля 2015 г.) цены на продукты питания выросли на 18,1 %; во 2-й и 3-й годы инфляция продолжала оставаться высокой (11 и 4,7 % соответственно). Некоторая стабилизация цен произошла только в конце 2017 г. (когда рост цен не превысил 1 %). Резкое удорожание продуктов питания в условиях изоляции продовольственного рынка от зарубежных конкурентов привело к росту доходов предприятий АПК. Агробизнес получил импульс к увеличению объемов продаж и росту производственных мощностей; государство для этого осуществляло активную поддержку аграрного сектора, разрабатывая и реализуя целевые комплексные программы, направленные на достижение продовольственной безопасности.

Вследствие выше обозначенных причин акции одного из крупнейших в России производителей мяса Группы «Черкизово» подорожали в 2 раза; цены на акции группы компаний «Русская аквакультура» (бывшее «Русское море», занимающееся производством рыбной продукции) и «Красный Октябрь» (производитель кондитерских изделий) выросли на 200 %. Индекс Московской биржи за тот

же период времени увеличился всего на 60 %. Это убедительно демонстрирует, что после введения эмбарго у крупнейших производителей агропродовольственной продукции финансовое положение значительно улучшилось [6].

При этом наиболее выгодные условия от эмбарго получила свиноводческая отрасль: так, объем производства свинины за 2013–2017 гг. увеличился на 23 %. Объем ее потребления вернулся на прежний уровень после незначительного спада в 2014 г., объясняющегося ростом цен. В настоящее время российские производители способны покрыть 91 % внутреннего спроса на свинину (в 2013 г. данный показатель составлял 73 %). Происходящая консолидация аграрного сектора способствует дальнейшему росту производства: компании расширяют производственные мощности, увеличивают инвестиции и завоевывают ведущие позиции на агропродовольственном рынке после ухода западных экспортеров. Концентрация производства продовольствия дает возможность эффективней взаимодействовать с правительством РФ в сфере софинансирования инвестиционных проектов (крупные агрохолдинги считаются более надежными партнерами, чем фермерские хозяйства), тем не менее, если темпы развития не снизятся, то Россия довольно скоро может столкнуться с проблемой переизводства свинины.

Далее следует отметить, что введение продовольственного эмбарго оказало положительное воздействие на развитие птицеводства: за рассматриваемые 2013–2017 гг. объем производства вырос на 29 %. Во многом этот подъем объясняется резким ростом внутреннего спроса, связанным с относительно дешевой мясом курицы и структурными сдвигами в сфере потребления. Определенную роль при этом сыграла и консолидация аграрного сектора, таким образом, на данный момент Россия может обеспечить 98 % потребностей внутреннего рынка в мясе птицы. При сохранении текущих темпов роста возникнет настоятельная необходимость поиска новых рынков сбыта.

В условиях эмбарго, закрывшего доступ на российский рынок продуктам из Норвегии, определенных успехов достигла рыбная промышленность. Марикультура начала активно развиваться после кризиса 2015 г., когда многие производители понесли огромные убытки из-за эпидемии рыбы. В настоящее время в эту отрасль вкладывают значительные средства (притоку инвестиций способствует проводимая государством политика, включающая выделение значительных субсидий). В то же время эффективному развитию препятствует дефицит современного оборудования, инновационных технологий, новых видов кормов. Создание совместных предприятий с иностранными компаниями может способствовать решению проблемы, как показывает успешная сделка по присоединению «Ольден Оппд-реттсанlegg» (Норвегия), занимавшейся производством малька лосося, к ПАО «Русская аквакультура».

Далее следует отметить, что в условиях санкционной экономики ряд отраслей не сумели заменить иностранных конкурентов на продовольственном рынке по ряду объективных причин (прежде всего, речь идет о молочной промышленности). Объем производства молока в России за санкционный период увеличился всего на 0,2 %, что делает невозможным повышение уровня самообеспеченности населения молочными продуктами в ближайшие годы. Во многом это объясняется раздробленностью отрасли: небольшие предприятия не могут осуществлять долгосрочные инвестиции, закупать высокопродуктивный скот, внедрять инновационные технологии и современное оборудование. Кроме того, негативное воздействие оказывают высокие ставки по кредитам и волатильность рубля (из-за низкого уровня развития отечественной промышленности оборудование по большей части приходится покупать за рубежом, и с ростом курса доллара оно становится все дороже и дороже). Так, по данным Министерства сельского хозяйства США, на молокоперерабатывающие предприятия попадает лишь 67 % российского молока, тогда как в странах ЕС этот показатель доходит до 89 %. Дефицит качественного сырья не дает молочной отрасли эффективно развиваться (так, известная компания «Данон» была вынуждена инвестировать средства в приобретение 5 тыс. коров для налаживания производства молока в Сибирском федеральном округе, несмотря на то, что она занимается только его переработкой) [6].

Производителям говядины приходится решать те же проблемы. Говядина в нашей стране рассматривается как побочный продукт от производства молока (85 % продукции на рынке представляет мясо коров молочных пород). За 2013–2017 гг. объем производства говядины упал на 3 %, так как вследствие ухудшения экономической ситуации и снижения среднедушевых доходов населения спрос на нее просел на 24 %. В настоящее время российские производители в состоянии обеспечить лишь 72 % внутреннего спроса потребителей.

В условиях импортозамещения подобные проблемы остро встали и перед плодоовощной промышленностью. Приток инвестиций сдерживается высокими ставками по кредитам, а оказываемая господдержка влияет не столько на урожайность, сколько на качество выращиваемых фруктов и ягод (отметим, что госпрограмма по развитию сельского хозяйства на 2013–2020 гг. была скорректирована в сторону увеличения объемов средств из федерального бюджета, предоставляемых на закладку многолетних плодовых и ягодных насаждений, в том числе садов интенсивного типа, вступающих в плодоношение на 2–3-й год). 64 % российских фруктов и 70 % овощей выращивается К(Ф)Х и ЛПХ, для которых характерен низкий уровень товарности продукции. Усугубляет проблему неразвитость инфраструктуры, необходимой для хранения и транспортировки фруктов и овощей, в связи с чем в сезон сбора урожая происходит затоваривание плодоовощного рынка, а в другие сезоны наблюдается дефицит.

Вместе с тем в российском АПК есть секторы, которые успешно функционируют в условиях свободной конкуренции, не испытывая необходимости в протекционистских мерах (прежде всего, речь идет о зерновом подкомплексе). Бурному развитию производства зерновых культур в России способствуют географические факторы (огромные территории и четвертое место в мире по площади плодородных земель – 155,8 млн га или 8,3 %). Сыграло свою роль и преобладание крупных хозяйств, располагающих более значительным инвестиционным потенциалом, чем мелкий и средний бизнес. Важным фактором для укрепления позиций, занимаемых на экспортных рынках, является доступ к морю, позволяющий существенно снизить расходы на доставку зерна в государства Северной Африки.

В последние годы заметный рост продемонстрировала сахарная промышленность. Так, объем производства сахара за 2013–2016 гг. возрос на 40 %, в 2016–2017 гг. достигнув 6,2 млн т. Важную роль, как и в производстве зерна, здесь сыграли географические факторы и рост инвестиций. На сегодняшний день объемы производства сахара в России превышают объемы его потребления, хотя всего 3 года назад страна обеспечивала собственные потребности лишь на 80 %.

Как отмечают западные эксперты, «без конкуренции эффективности быть не может»: рост объемов производства российских продуктов питания обеспечен прежде всего уходом с рынка иностранных конкурентов и последовавшим вслед за этим увеличением цен на импорт. Таким образом, у российских производителей не появилось стимула для повышения эффективности и конкурентоспособности, и рост оказался количественным, а не качественным. Кроме того, многие отрасли российского АПК вскоре столкнутся с проблемой перепроизводства, которую можно решить только путем налаживания экспорта. Между тем западные рынки из-за усиления международной напряженности в ближайшие годы останутся закрытыми. По мнению западных политологов и экономистов, «России придется отменить эмбарго, не решив проблему с конкурентоспособностью своего агропродовольственного сектора. Многие находившиеся под защитой государства отрасли в такой ситуации передвинутся на те же позиции, которые занимали на рынке до введения ограничительных мер, не выдержав открытой конкуренции» [6].

Далее отметим, что Россия обладает таким бесспорным конкурентным преимуществом в сфере производства продовольствия, как большие площади плодородных земель. В связи с глобальным потеплением значение этих преимуществ будет только возрастать: по оценкам Международного валютного фонда, Россия войдет в число государств, которые выиграют от ожидаемых климатических изменений. И все же дальнейшее укрепление позиций своих производителей за счет изоляции от зарубежных конкурентов может оказаться недальновидной стратегией, которая в конечном счете только замедлит развитие АПК и страны в целом.

Кроме того, государственная поддержка крупных агрохолдингов не способствует улучшению делового климата и усилению конкуренции на продовольственных рынках. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. можно сделать вывод, что процесс массового укрупнения хозяйств продолжается, что в конечном итоге приведет к появлению олигополий, монополизации рынков, росту безработицы на селе. Представители агробизнеса отмечают, что «аграрные компании-гиганты чрезвычайно успешно встраиваются в ткань нашей экономики» [7]. По данным Росстата за 2006–2016 гг. количество СХО сократилось в 1,6 раза (с 59,2 до 36,4 тыс.); К(Ф)Х – в 1,6 раз (с 285 до 174,6 тыс.). Наиболее вероятная причина столь резкого сокращения – укрупнение так называемых агрохолдингов, ведущее к формированию дуалистической структуры отечественного аграрного сектора, включающей в себя крупные интегрированные структуры, с одной стороны, и фермерские хозяйства западного образца, с другой. При этом Министерство сельского хозяйства РФ предпочитает поддерживать крупные аграрные компании: «...основными получателями поддержки становились крупные инвесторы. В основе подобного формата поддержки лежит бездоказательное утверждение, что огромную страну способны накормить только крупные холдинги, – лишь они могут быть эффективны» [7].

В итоге импортозамещение интенсифицировало процесс поглощения агрохолдингами независимых фермерских хозяйств, для которых финансирование стало менее доступным (как в виде банковских займов, так и в форме господдержки). Последствиями подобной концентрации агропроизводства могут стать формирование олигополий и потеря значительной части земельных угодий, пригодных для ведения сельского хозяйства, в результате выведения земель обанкротившихся фермеров из сельхозоборота. Контроль над землей становится прерогативой узкого круга компаний, что особенно заметно в южных и центральных регионах страны, отличающихся плодородием, повышенной плотностью населения и наличием огромных рынков сбыта – городов-мегаполисов (динамика численности населения которых растет из года в год, в том числе в результате трудовой миграции). Малый агробизнес по большей части развивается в отдаленных регионах, которые в силу географических, природно-климатических и социально-экономических условий менее пригодны для ведения сельского хозяйства (Кабардино-Балкарская республика, Ханты-Мансийский автономный округ, Еврейская автономная область и другие регионы, в которых К(Ф)Х и ЛПХ производят почти 100 % молока, мяса, овощей, и пр.).

Малый агробизнес обладает производственным потенциалом, но не способен самостоятельно наладить стабильные каналы сбыта продукции. Крупные торговые сети предпочитают сотрудничать с агрохолдингами, а фермеры либо реализуют продукцию по низким ценам оптовикам, либо объединяются в кооперативы для защиты своих торговых интересов (что происходит значительно реже). Кроме того, лишь малая часть предпринимателей способна экспортировать свою продукцию, в отличие от агропродовольственных гигантов рынка. В итоге крупные агрохолдинги получают рекордные прибыли, а доля убыточных организаций малого агробизнеса из года в год растет. Это противоречит целям ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на период до 2020 г.» и не отвечает интересам национальной безопасности страны.

Нужно отметить, что в 2017 г. Минсельхоз РФ внес изменения в структуру госпрограммы развития сельского хозяйства до 2020 г.: из 11 подпрограмм 8 должны быть завершены (в том числе подпрограмма по поддержке малых форм хозяйствования), 3 продолжают действовать: управление реализацией госпрограммы, техническая и технологическая модернизация АПК, развитие финансово-кредитной системы. В то же время вводятся новые, более широкие подпрограммы – обеспечение общих условий функционирования АПК, развитие отраслей АПК, стимулирование инвестиционной деятельности в АПК, а также приоритетный проект «Экспорт продукции АПК» с объемом финансирования в 728,4 млн руб. в 2017 г. (основным целевым показателем которого является «темп роста экспорта продукции АПК (к 2016 году)»). Помимо консолидации подпрограмм в результате сокращения субсидий, в 2018–2020 гг. предполагается сокращение финансирования государственной программы развития сельского хозяйства почти в 2 раза (до 586 млрд руб.) [8].

Судя по проекту изменений в госпрограмме развития сельского хозяйства, происходит переориентация с концепции импортозамещения на концепцию экспортоориентированности АПК. Министрство сельского хозяйства России в 2017 г. предложило убрать ускоренное импортозамещение по ряду продуктов питания из целей государственной программы развития сельского хозяйства. Новыми целями должны были стать: повышение конкурентоспособности российской агропродовольственной продукции; обеспечение населения безопасной сельхозпродукцией и продовольствием; обеспечение устойчивого развития сельских территорий, сохранение используемых для АПК природных ресурсов. Кроме того, в цели госпрограммы больше не входят: обеспечение продовольственной независимости РФ в параметрах, заданных Доктриной продовольственной безопасности; обеспечение сбыта сельхозпродукции за счет создания условий для ее сезонного хранения; повышение финансовой устойчивости сельхозпроизводителей. Предлагалось скорректировать и задачи государственной программы развития АПК, включив туда рост экспортного потенциала отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и убрав упоминание об импортозамещении.

Если вести речь об импортозамещении, то агрохолдинги, несомненно, вносят более существенный вклад в социально-экономическое развитие страны, обеспечивая население продовольствием, рабочими местами, являясь источником финансирования бюджетов всех уровней, способствуя росту профицита торгового баланса (отдельные регионы, благодаря крупным СХО, превратились из импортеров продовольствия в экспортеров). Но при этом следует учитывать, что ряд отраслевых лидеров имеет в своем капитале офшорные составляющие. Так, например, Ros Agro Plc (головная компания «РусАгро») зарегистрирована на Кипре, головная компания АПК «Мираторг» является кипрским

офшором Agromir Limited, a Capital Partners Ltd и CG Marketing & Finance Ltd (головные компании из холдинга «Черкизово») расположены на Бермудских островах [9]. Отметим, что в офшорах зарегистрированы многие сельскохозяйственные компании.

Выход видится в дифференциации целей и задач развития АПК (рис. 2).

Рис. 2. Концепция развития российского АПК

В данном случае под аграрными кластерами мы подразумеваем концентрацию критической массы сельхозпроизводителей, предприятий пищевой промышленности, а также обслуживающих их инфраструктурных организаций, действующих на агропродовольственном и прочих рынках в созданной при поддержке органов власти комфортной деловой среде, взаимоотношения которых носят одновременно кооперативный и конкурентный характер и приводят к возникновению синергетического эколого-социально-экономического эффекта, способствующего повышению конкурентоспособности территории. Формирование кластеров в АПК является не только экономическим, но также и социально-экологическим фактором и предпосылкой для перехода регионов на траекторию устойчивого развития, так как эффекты от функционирования кластеров для региональной социально-экономической системы проявляются по трем направлениям: экономическому, социальному, экологическому (выражаясь в увеличении доходов бюджета, обеспечении занятости населения, повышении его доходов, синергетическом эффекте в отношении взаимосвязанных производств, продвижении продукции на межрегиональных рынках, производстве экопродуктов, экологизации сельского хозяйства, удовлетворении потребностей населения в продуктах питания, развитии производственной и социальной инфраструктуры села и пр.) [10].

Несмотря на то, что аграрный сектор России в сравнении с предыдущими десятилетиями деградации и упадка расширил ассортимент продовольствия и нарастил объемы производства, наметившиеся позитивные тенденции приведут к качественному изменению структуры экономики только спустя 5–10 лет поступательного инвестирования и развития. Для перехода на новые рельсы требуются взвешенные управленческие решения и современные формы организации агробизнеса.

При этом необходимо учитывать, что из-за обострения международной политической обстановки доступ на западные продовольственные рынки останется ограниченным, а при выходе на азиатские рынки российские производители неизбежно столкнутся с трудностями, обусловленными специфичной структурой потребления продовольствия. Тем не менее состояние мировой экономики на данном этапе способствует ускорению экономического роста России: во-первых, глобальная экономика начинает выбираться из кризиса, во-вторых, экономика Китая продолжает развиваться достаточно высокими темпами, что способствует увеличению экспорта энерго- и других видов ресурсов; в-третьих, мировые цены на энергетические ресурсы оказались выше заложенных в российском государственном бюджете. Российская экономика по-прежнему располагает определенными конкурентными преимуществами с точки зрения иностранных инвесторов (прежде всего, китайских): богатыми природными ресурсами, огромным рынком сбыта, низкими издержками производства, относительно

высоким уровнем российской науки и образования, кроме того, многие страны третьего мира до сих пор остаются зависимыми от экспорта российских технологий [1]. Таким образом, с учетом внешних условий прогноз развития АПК и далее по цепочке межотраслевых балансов других отраслей экономики страны, на наш взгляд, умеренно-оптимистичный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шэн Шилян. Россия: в радости есть печаль, большие перспективы // Синьхуа. 2018. 8 февр.
2. Сергеев М. Торговля падает без признаков замедления // Независимая газета. 2016. 22 авг.
3. Medetsky A. Russia Is Exporting More Wheat Than Any Country in 25 Years // Bloomberg. 2018. 16 февр.
4. Medetsky A. From Russia, With Love: Wheat for Half the World // Bloomberg. 2018. 26 февр.
5. Ali Ekber Yildirim. Rusya'dan et, süt ve balık ithalatı yapılacak // Dünya. 2018. 14 марта.
6. Jakub Olipra. Blokada żywności z Zachodu nie da sukcesu rosyjskim producentom // Forsal. 2018. 24 февр.
7. Башкатова А. Россия превращается в страну гигантских агрохолдингов // Независимая газета. 2016. 14 нояб.
8. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 – 2020 гг.». URL: <http://base.garant.ru/70210644/>.
9. Быркова Е. Фермеры против агрохолдингов // Информационно-аналитическое сетевое издание «ПРОВЭД». URL: <http://провэд.рф/article/38066-fermery-ppotiv-agpoholdingov-kto-na-samom-dele-kopmit-stpanu.html>.
10. Dorzhieva E.V., Dugina E.L. The Formation of Agro-Food Clusters as a Competitiveness Growth Factor // International Journal of Economics and Financial Issues. Vol 5. 2015. P. 238-247.

Поступила в редакцию 17.05.2018

Дугина Евдокия Лазаревна, доктор экономических наук, профессор

E-mail: Dugina2003@mail.ru

Доржиева Елена Викторовна, кандидат экономических наук, доцент

E-mail: elendorg@mail.ru

ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»

670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40 В

E.L. Dugina, E.V. Dorzhieva

**ASSESSMENT OF THE STATE AND STRATEGIC PRIORITIES OF RUSSIAN AGRARIAN
AND INDUSTRIAL COMPLEX DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF SANCTIONS ECONOMY**

The article considers the dynamics of Russian agrarian and industrial complex development for the last decade, analyzes the current state of agriculture, and estimates the impact of economic sanctions and Russia's response measures on the activities of domestic agricultural producers and the food market. The article deals with the issues of competition in agro-food market: because of disappearance of western producers and tendencies to monopolization, large organizations (so-called "agroholdings") are in the most favorable conditions now. Farmers and small businesses in the agricultural sector are facing problems, including insufficient government support. For sustainable development of the country and preservation of rural areas it is necessary to look for new forms of organization of agricultural activity, such as agroclusters. At paradigm shift of the state agrarian policy it is necessary to consider the interests of all categories and to apply different approaches to regulate their activities, aimed at both import substitution and export orientation.

Keywords: economic sanctions, counter-sanctions, agro-industrial complex, import substitution, export orientation, development concept.

Received 17.05.2018

Dugina E.L., Doctor of Economics, Professor

E-mail: Dugina2003@mail.ru

Dorzhieva E.V., Candidate of Economics, Associate Professor

E-mail: elendorg@mail.ru

East-Siberian State University of Technical and Management

Klyuchevskaya st, 40V, Ulan-Ude, Russia, 670013